

ЯЗЫКОВАЯ РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ ПАМЯТИ НА ЛИЦА

А. П. Бабушкин

Воронежский государственный университет

Поступила в редакцию 22 февраля 2018 г.

Аннотация: в статье рассматривается возможность вербализации памяти человека на лица известных людей. Описываются механизмы формирования этой памяти, приводятся примеры сравнения лиц других людей с физиономическими характеристиками знаменитостей.

Ключевые слова: известные люди, память на лица, механизм формирования, физиономические характеристики, сравнения с лицами обычных людей.

Abstract: the article considers the possibility of verbalizing human memory of widely known people's faces. The mechanism of its formation is described. Comparison cases of ordinary men appearance with the celebrities' physiognomic characteristics are illustrated by a number of examples.

Key words: outstanding people, memory of faces, mechanism of formation, physiognomic characteristics, comparison with rank and file peoples' faces.

По определению авторов «Краткого словаря когнитивных терминов» память – это когнитивная способность удерживать в голове информацию о мире и о самом себе, сохранять накопленный опыт и знания в виде определенных «следов» (энграмм) – когнитивных и ментальных репрезентаций как структур представления знаний и оценок, упорядочивать весь этот массив знаний, чтобы облегчить легкий доступ к нему, складывать и систематизировать все сведения, пришедшие по разным каналам, и в известной степени интегрировать их в единую систему [1, с. 114].

Данная статья посвящена языковой объективации одного из видов когнитивной способности человека удерживать в голове информацию о мире и о самом себе – памяти на лица.

Память на лица развивается чуть ли не с самого рождения ребенка. Грудной малыш по-своему реагирует, если на него смотрят «чужие», незнакомые ему люди. И далее по жизни человек осознает свое собственное «я», глядя в зеркало, его память сохраняет лица родственников, друзей и коллег, известных деятелей искусства, видных политиков, не только когда физиономические характеристики воспринимались им в свое время воочию, но и по портретам, фотографиям этих людей, по карикатурам или дружеским шаржам.

Было экспериментально доказано, что в голове человека находятся центры, которые называются «узлами распознавания лиц» [face recognition nodes]. В процессе перцепции знакомого лица происходит отождествление зрительного образа с надлежащим

«структурным кодом» – своеобразной единицей информации, ранее заложенной в базу данных [2, р. 146]. Остается только удивляться, насколько вместительным оказывается это хранилище.

Считается, что доступ к центру отождествления лиц ведет к активизации памяти имени конкретного человека [2, р. 146]. Однако, с нашей точки зрения, возможен и обратный процесс – услышанное или прочитанное имя, воспринимаемое как хорошо знакомое, позволяет вспомнить внешность его носителя.

Это значит, что с лингвистических позиций стимулированию узлов распознавания лиц служат не только их непосредственно воспринимаемые или мысленно воспроизводимые черты. Эту функцию способны выполнять и вербальные дескрипции, в частности описание тех или иных образов в художественной или мемуарной литературе.

Когда художник слова описывает широко известную личность, мы мысленно «соглашаемся» с предьявленным нам портретом, поскольку он находит отклик в нашей памяти.

Есть основания считать, что авторы мемуарной литературы точнее и подробнее воспроизводят внешность своего знаменитого современника, которого они как бы «списывают с натуры» (хотя и по прошествии времени), чем читатели их воспоминаний.

Вот как изображает А. П. Чехова писатель А. И. Куприн. Позволим себе процитировать его с некоторыми сокращениями. «Всегда бывает так: познакомишься с человеком, изучаешь его наружность <...>, и все-таки всегда можешь вызвать в памяти его лицо таким, каким видел его в самый первый

раз. <...> Если бы меня спросили тогда, на кого он (Чехов) похож с первого взгляда, я бы сказал: «На земского врача или на учителя провинциальной гимназии». Но было в нем также что-то простоватое и скромное, что-то чрезвычайно русское, народное – в лице. <...> Многие впоследствии говорили, что у Чехова были голубые глаза. Это ошибка, но ошибка до странного общая всем, знавшим его. <...> Глаза у него были темные, почти карие, причем раек правого глаза был окрашен значительно сильнее <...>. Верхние веки несколько нависали над глазами, что так часто наблюдается у художников, охотников, моряков – словом, у людей с сосредоточенным зрением. Благодаря пенсне и манере глядеть сквозь низ его стекол <...>, лицо Чехова казалось суровым, но надо было видеть его в другие <...> моменты».

Через сто с лишним лет после публикации этого очерка имя Чехова вызывает в памяти лишь овал его лица, чеховская бородка и, конечно, пенсне:

Говоря об интеллигентном человеке почему-то представляешь себе чеховское пенсне и зачесанные назад волосы [Е. Петров. Молодые патриоты].

С другой стороны, сознанием отвергается искаженный образ писателя, несовместимый с соответствующим «структурным кодом»:

Подотдельский декоратор нарисовал Антона Павловича с кривым носом и в таком чудовищном пенсне, что издали казалось, будто Чехов в автомобильных очках [М. Булгаков. Записки на манжетах].

Из сказанного выше следует, что имеются по крайней мере два вида памяти на лица: индивидуальная и коллективная.

Существует специальный механизм самопроверки, позволяющий убедиться в наличии ментальной реакции на стимул в виде имени известного лица. Этот механизм представлен понятием интроспекции.

Термин «интроспекция» – латинского происхождения, в своем прямом значении трактуется как тщательное «всматривание в самого себя с целью осознания собственных ментальных процессов, самонаблюдение» [3, с. 293].

Благодаря методу интроспекции любой человек может проверить, содержится ли искомый образ в его мозговом центре распознавания лиц.

Разумеется, что при восприятии многих имен в нашей памяти выявляются «образные» лакуны, и этот факт вполне естественен, так как «нельзя объять необъятное», но данный вопрос в нашей статье не обсуждается.

Для нас особый интерес представляет другое, а именно тот случай, когда знакомое лицо выступает в качестве эталона сравнения для описания других людей, чем-то похожих на свой прообраз. См. ниже:

1) *Высокого роста, и в старости худощавый, с длинными суховатыми руками и ногами, всегда аккуратный и даже как-то изящно одетый – это уже петербургская выучка – с бородкой клинышком и седыми усами, дедушка чем-то напоминал М. И. Калинина. Ему даже мальчишки на улице кричали: «дедушка Калинин!» [С. Аллилуева. Двадцать писем другу].*

2) <...> в феврале у нас появился деревенский красавчик, первый парень на селе: **среднего роста, косая сажень, голубые глаза, красные губы, белокурые волосы волной** – в общем вылитый Есенин [Н. Катерли. Дневник сломанной куклы].

Нет необходимости выделять в особую категорию лица-«маски» киноактеров, загримированных под известных, как правило, вымышленных героев, которые узнаются, мысленно воспроизводятся и могут также служить в качестве эталона для сравнения:

1) *Белосельскому нравился Шептун, его лихой лейб-гвардейский вид, сильные плечи с золотыми погонами, хорошо посаженная голова с выпуклыми голубыми глазами и пышными ухоженными усами. – Ну, просто вылитый поручик Ржевский [А. Проханов. Господин Гексоген].*

2) *Ловец может только действовать корпусом, – объясняет ловец «гроднинских гоблинов» Федор Пшеничный, внешне очень похожий на Гарри Поттера: маленький, черный, взъерошенный и в очках. [С. Беккина. Как сказку сделать былью].*

Построение подобных сравнений возможно, так как в них дублируется информация – достояние наших центров распознавания лиц выдающихся деятелей в сфере политики, науки, искусства, литературы и т. п.

Назовем развернутые, выделенные жирным шрифтом дескрипции указанного вида актуализаторами соответствующих образов. Вместе с тем актуализаторами способны послужить и отдельные физиономические характеристики знаменитых персон. В этой связи важным окажется обращение так называемой прототипической модели лица [2, р. 146]. Прототипическая модель лица в нашем понимании – что-то вроде портрета, снятого с фасада бесстрастного манекена. Отклонение от прототипического стандарта – всегда предмет особого внимания. Именно такие характеристики (особенно лиц знаменитых людей) легко узнаются, когда они гротескно представляются в дружеских шаржах или дублируются вербально, часто с юмором. Это, как правило, глаза, форма носа (в образах как мужчин, так и женщин), растительность на лице (в случае мужского образа): борода и усы, рельефы губ, подбородка и т. п.

Рассмотрим ряд подобранных нами примеров:

1) *Потом в спальне появился тощий, патлатый воспитатель в очках без оправы, похожий на Джона Леннона [М. Петросян. Дом, в котором ...].*

2) *Что?... Бакенбарды?* Ну, так Вы, значит Пушкина никогда не видели! Поздравляю! А еще литератор! [М. Булгаков. Записки на манжетах].

3) *Пора на баррикады, Юзеф! Пусть «Чапаев» займется распределением... Это мы так нашего Хожинского прозвали, – объяснил майор. – Рабочий из железнодорожных мастерских Кракова. У него усы, как у Чапаева, вот и окрестили его* [И. Колос. За час до рассвета].

4) *По принципам советской типажности положительным героем – комсоргом, бригадиром горнопроходчиков, капитанам дальнего плавания предполагалось быть голубоглазыми, курносыми и белобрысыми. А я настолько иного типа (пишет о себе актер Л. Яромольник). Если иметь в виду внешность, моя компания – Дастин Хофман, Роберт де Ниро, Аль Пачино... то есть носатые* [Российская газета. 10.06.2010].

5) *Он, ломаясь зигзагами, <...> мчал, бывало, по кругу гостиной: свинцовые волосы щек и нос как у Гоголя* [А. Белый. Начало века].

6) *У тебя губы бантиком, как у Анжелины Джоли* [А. Герасимов. Год обмана].

7) *Была тебе Богом дарена*

Улыбка как у Гагарина [А. Подкина. Улыбка как у Гагарина].

Переходя к осмыслению приведенных выше примеров, приходим к следующим выводам.

1. Память на лица является самостоятельным предметом исследования когнитивной психологии, в то время как вербализация этого вида памяти представляет интерес для лингвиста, так как в результате этого процесса ментальный образ конкретного лица из «вещи в себе» становится «вещью для других».

2. Необходимым условием активизации памяти на лица является предварительное знание лица человека, чья внешность требует идентификации. Нельзя вспомнить визуально то, что никогда не было объек-

том зрительного восприятия. Самое известное, громкое имя не индуцирует образ человека без «прайминга», т. е. первоначального видеостимула.

3. У каждого из нас имеется собственный объем памяти на лица, который не является фиксированным множеством и способен постоянно пополняться.

4. Образы, хранимые в памяти, по своей принадлежности подразделяются на индивидуальные и коллективные.

5. Актуализаторы (вербализованные характеристики лиц) как бы «вторят» тому мысленному образу, который репрезентируется в памяти.

6. Бывает достаточно упоминания одной (особо запоминающейся) черты лица и имени человека, чтобы весь его облик, включая пропущенные детали был реализован в сознании.

7. Образ конкретного, чаще всего широко известного лица, иногда служит эталоном для сравнения с другими лицами, так как он позволяет хотя бы отдаленно представить себе портрет незнакомца.

8. Метод интроспекции выступает в качестве самопроверки, цель которой согласие или несогласие с тем или иным репрезентированным образом.

И последнее, память на лица оказывается практически востребованной в юридической практике, когда органы следствия опрашивают свидетеля преступления или составляют фоторобот преступника.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Кубрякова Е. С.* Краткий словарь когнитивных терминов / Е. С. Кубрякова [и др.]. – М. : Филологический ф-т МГУ им. М. В. Ломоносова, 1997. – 245 с.

2. *The Blackwell Dictionary of cognitive Psychology / ed. by M. W. Eysenck.* – Cambridge, Massachusetts : Blackwell publishers, 1994. – 390 p.

3. *Крысин Л. П.* Иллюстрированный толковый словарь иностранных слов / Л. П. Крысин. – М. : Эксмо, 2010. – 846 с.

*Воронежский государственный университет
Бабушкин А. П., доктор филологических наук,
профессор кафедры английского языка гуманитарных
факультетов*

E-mail: babushkin@rgph.vsu.ru

Тел.: 8 (473) 220-84-41

*Voronezh State University
Babushkin A. P., Doctor of Philology, Professor of the
English Language for Humanities Department
E-mail: babushkin@rgph.vsu.ru
Tel.: 8 (473) 220-84-41*